

ОСОБЫЙ СТАТУС ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящается анализу особого статуса общепризнанных принципов и норм международного права и связанных с этим проблем их реализации в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Как известно, Конституция 1993 г. провозгласила, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15). Однако Конституция не определила достаточно четко их место в этой системе. То же самое можно сказать относительно закрепления этих правовых конструкций в УПК РФ как составной части законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1). Очевидно, в какой-то мере этим объясняется то положение, что данный УПК по ряду аспектов существенно расходится с международно-правовыми стандартами и противоречит даже самой Конституции России.

В постановлении VI Всероссийского съезда судей от 2 декабря 2004 г. «О состоянии правосудия в Российской Федерации и перспективах его совершенствования» правильно констатируется, что качество принятых в последнее десятилетие законов, включая УПК РФ, заслуживает критики: большое число законов внутренне противоречиво, постоянно изменяется и дополняется, в том числе по причинам, не носящим объективно-необходимого характера, не всегда предусматривается механизм реализации норм... Все это создает трудности в правоприменительной практике, нарушает права граждан и организаций. Принято немало актов, толкование и применение которых представляет значительную сложность. Этим обстоятельством в значительной степени объясняются судебные ошибки [1].

Несмотря на то, что в «Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века», принятой Десятым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителя-

ми в апреле 2000г., говорилось о необходимости более эффективного и действенного обеспечения законности, защиты прав и свобод человека, достижения самых высоких стандартов справедливости, человечности и профессионального поведения в сфере борьбы с преступностью и отправления правосудия [2], имеющиеся в этой области острейшие проблемы остаются нерешенными. Как подчеркивается в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. №805, «правовая база, которая обеспечивала бы в полной мере отправление правосудия в соответствии с Конституцией Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права, еще не создана» [3]. На это указывалось также на различных научно-практических конференциях и совещаниях. К примеру, на состоявшемся в декабре 2002 г. в Москве Всероссийском совещании были обсуждены вопросы применения в России общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров и приняты рекомендации, нацеленные на обеспечение надлежащей реализации в правовой, в том числе законодательной деятельности, международных типовых законов [4]. В Рекомендациях участников Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и право-защитная деятельность государства» от 12 мая 2003 г. в адрес Федерального Собрания РФ было прямо записано: «С учетом интеграции России в международное сообщество активизировать законодотворческую деятельность, направленную на приведение российского законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, в соответствие с

международно-правовыми стандартами обеспечения прав личности в этой сфере» [5]. Однако со стороны российского законодателя пока не видно заметных усилий по превращению их в жизнь.

Вместе с тем нельзя сказать, что в арсенале юридической науки выработаны достаточно убедительные и четкие позиции в отношении использования названных правовых ценностей в российском правовом пространстве. Такая неопределенность создает значительные проблемы в законотворческом и правоприменительном процессах. Вот почему предметом нашего осмысления являются статус общепризнанных принципов и норм международного права и проблемы их реализации в российском уголовном судопроизводстве [6].

Прежде всего отметим, что само название «общепризнанные» подсказывает, что рассматриваемые принципы и нормы имеют особый статус и занимают доминирующее положение в правовой системе России. По мнению Л.Н. Бирюкова, И.И. Лукашука, А.А. Родионова, А.Н. Талалаева, О.И. Тиунова и некоторых других авторов, общепризнанные принципы и нормы международного права имеют преимущество перед национальными законами в случае их коллизии. Эта их позиция вполне соответствует ч. 2 ст. 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. Она гласит: «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР» [7].

В Модельном УПК для государств – участников СНГ, принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. в виде рекомендательного законодательного акта, выражены идеи о том, что: «в независимом государстве не должны издаваться для действия в сфере уголовного судопроизводства законы и другие акты... противоречащие общепризнанным принципам и нормам международного права» (ч. 4 ст. 4); «общепризнанные принципы и нормы меж-

дународного права имеют преимущественную силу перед положениями законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, и других актов... Регулирующие порядок уголовного судопроизводства положения какого бы то ни было закона или другого акта, противоречащие общепризнанным принципам и нормам международного права, применению не подлежат» (ч. 2 ст. 5).

Тем не менее в теории права существует мнение, что эти принципы и нормы не обладают приоритетом по отношению к противоречащим им внутренним правовым актам [8]. Между тем такие суждения, на наш взгляд, не согласуются с международно-правовыми установками, положениями Конституции РФ, правовой позицией Конституционного суда РФ, а также с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Пленум, опираясь на Федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» (в части того, что «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу выполнения международных обязательств» [9]), в этом постановлении указал, что «международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод... и что «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо», а «под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного» [10].

Анализ Конституции РФ и международных актов свидетельствует, что общепризнанным принципам и нормам международ-

ного права присущи свойства не только верховенства, всеобщей обязательности, универсальности, приоритетности, незыблемости, но и высшей силы, высшей ценности, а также правообразующий признак. В международных актах (например, в Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г., Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1998 г., в Конституции, Уголовном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях и других законах РФ термин «общепризнанные» употребляется применительно к международному праву, особенно в контексте прав и свобод человека, признаваемых высшей ценностью, неотчуждаемыми, непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти (ст. 2, 17, 18, 55 Конституции).

Включение общепризнанных принципов и норм международного права в Конституцию РФ само по себе свидетельствует о придании им свойства верховенства и высшей силы, поскольку в ее ст. 4, 15 заложены эти качества. По существу об этом же говорит 55-я ее статья, в силу которой перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод, и в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Примат исследуемых феноменов перед российским законодательством можно подтвердить и тем, что слова «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» в ч. 1 ст. 17 Основного закона РФ вписаны перед словами «и в соответствии с настоящей Конституцией». В аналогичной последовательности эти правовые постулаты представлены в ч. 3 ст. 3 УПК РФ. И такое понимание данного положения, по нашему мнению, вполне соответствует основополагающей роли международных стандартов, тому, что общепризнанные принципы и нормы международного права универ-

сальны, неотъемлемы, неделимы, общеобязательны и не могут отменяться, умаляться или ограничиваться каким-либо государством в своих законах.

Правообразующее свойство общепризнанных принципов и норм международного права заключается в том, что они не просто входят в правовую систему России, а наряду с Конституцией составляют базу и ориентиры развития отечественного законодательства. В соответствии с рекомендациями международных актов они должны имплементироваться во внутреннее законодательство и укреплять национальные структуры, институты и органы общества, играющие определенную роль в деле обеспечения и защиты прав человека (п. 83 Венской декларации и Программы действий, принятых на Всемирной конференции прав человека 25 июня 1993 г.; ст. 2, 3 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы от 9 декабря 1998 г. и др.) [10, с. 91, 131]. Правовой основой для этого служит также действующая и в настоящее время Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г., указавшая на необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека. Такое же значение имеет Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 г. первым Съездом народных депутатов РСФСР. В ней заявлено о приверженности РСФСР к общепризнанным принципам международного права и признанию Декларации основой совершенствования республиканского законодательства (п. 14, 15) [11]. Эти положения концептуально выражены в Основных направлениях исследовательской программы «Пути и формы укрепления российского государства», утвержденных Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. [12].

В соответствии со ст. 18 Конституции РФ в своей деятельности законодательная власть должна руководствоваться всеми этими нормами. На это указывает и Конституционный суд РФ. В частности, в его постановлении от 31 июля 1995 г. говорится: «В соответствии с

принципами правового государства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры... должны добросовестно соблюдаться, в том числе путем их учета внутренним законодательством» [13]. Сам Конституционный суд часто руководствуется международными актами, анализируя и оценивая соответствие или несоответствие тех или иных норм, например, УПК РФ, Конституции РФ [14], подчеркивая тем самым их приоритетное значение.

Таким образом, общепризнанные принципы и нормы международного права имеют такой особый статус, который не допускает каких-либо отступлений от них ни в законодательстве, ни в деятельности государственных органов. Относительно недопустимости ограничений прав и свобод, предусмотренных ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ, сказано даже в самой Конституции (ч. 3 ст. 56). Но возникает вопрос, соблюдаются ли эти основополагающие правовые установления в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны? К сожалению, здесь есть серьезные недоразумения. Попробуем это обосновать.

Вне всякого сомнения, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и иных международных документах принципы всеобщего уважения прав человека, равенства перед законом, презумпции невиновности, права на справедливое и гласное судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом, права быть судимым без неоправданной задержки и добросовестного выполнения международных обязательств относятся к общепризнанным принципам международного права [15]. Как основополагающие императивные нормы они должны воплощаться, как мы убедились, в национальное законодательство и действовать в уголовно-процессуальной практике без каких-либо отклонений. В «Основных

принципах независимости судебных органов», одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября и от 13 декабря 1985 г., на этот счет содержатся следующие указания: «при организации и отправлении правосудия в каждой стране следует руководствоваться этими принципами и предпринимать усилия для их полного превращения в жизнь»; «нормы, касающиеся осуществления функций судьи, должны быть нацелены на то, чтобы обеспечивать судьям возможность действовать в соответствии с этими принципами»; «судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений» [16].

Указанные положения подкрепляются и развиваются в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 13 октября 1994 г. «О независимости, эффективности и роли судей». Причем в числе обязанностей судей как принцип записано: «Долг судей состоит в том, чтобы при выполнении своих судебных обязанностей они обеспечивали надлежащее применение закона и справедливое, эффективное и быстрое рассмотрение дел, а для этого они должны иметь соответствующие полномочия» [17]. Однако в УПК РФ суду отведена весьма пассивная роль в исследовании обстоятельств уголовного дела, согласно ст. 15 он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Такое положение не способствует постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, а это может быть обеспечено только при активности суда в судебном разбирательстве. Таков же настрой у Конституционного суда РФ. В частности, в его определении от 23 января 2011 г. №21 указывается, что суд может по собственной инициативе истребовать и исследовать доказательства в рамках предъявленного подсудимому обвинения [18]. В постановлении же от 8 декабря 2003 г. №18-П подчеркивается: «Суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т. е. законного, обоснованного и справедли-

вого, решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств, а значит, он должен быть наделен уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями» [19].

Упущением российского законодательства, бесспорно, является отсутствие правовой нормы о праве на справедливое судебное разбирательство как в Конституции РФ, так и в УПК РФ. Принцип презумпции невиновности хотя и предусмотрен в них, но действие его ограничено введением в российскую действительность особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ст. 314-317 УПК РФ), а также неудачным упрощением порядка решения основных вопросов производства в суде с участием присяжных заседателей (ст. 339, 343, 346, 347, 348, 350, 351).

Чтобы не быть голословными, напомним, что в соответствии с международными стандартами (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принцип 36 Свода принципов всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденных резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. и др.), ст. 49 Конституции РФ, ст. 34 Декларации прав и свобод человека и гражданина, ст. 14 УПК РФ, ст. 6 Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» главным, решающим моментом данного принципа является то, что лицо (подозреваемый или обвиняемый) считается невиновным до тех пор, пока его виновность в совершении преступления не будет бесспорно доказана в ходе судебного разбирательства и установлена вступившим в

законную силу приговором суда. По нашему глубокому убеждению, именно поэтому в УПК РФ прописано: «Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» (ч. 3 ст. 240); «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77); «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств» (ч. 4 ст. 302); «Описательно-мотивированная часть обвинительного приговора должна содержать... доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ст. 307 п. 2). Подтвердим все это еще одним документом ООН – Римским статутым Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г., установившим: «Каждый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в Суде в соответствии с применимым законом... Для осуждения обвиняемого Суд должен убедиться в том, что обвиняемый виновен и это не подлежит сомнению на разумных основаниях» (ст. 66) [20].

Неувязки УПК РФ с международными стандартами сказанным, естественно, не исчерпываются. Но изложенное здесь достаточно для вывода о том, что этот УПК нуждается в коренном улучшении. Осталось еще достаточно много проблем, тесно связанных с реализацией как конституционных принципов уголовного судопроизводства, так и принципов, заложенных в международном праве.

Список использованной литературы:

1. Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2005. – №2. – С. 6-7.
2. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: Сб. документов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 358.
3. СЗ РФ. – 2001. – №49. – Ст. 4623.
4. Рекомендации о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров от 24 декабря 2002г. // Российская юстиция. – 2003. – №3. – С. 6-8.
5. Законность. – 2003. – №7. – С. 61.

6. Бирюков, П.Н. Международное право: Учебное пособие.– М., 1998.– С.16; Лукашук, И.И. Нормы международного права в правовой системе России.–М.: Спарк, 1997. – С.46-56; Родионов, А.А. Договоры о правовой помощи // Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами. – М.,1996. – С. 63; Тиунов, О.И. О применении Конституционным Судом Российской Федерации норм международного права // Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами. – М.,1996. – С. 36; Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право.– 1998. – №3. – С. 64-70 и др.
7. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. №5». – Ст. 1865.
8. Даниленко, Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. – 1995. – №11. – С. 124; Волженкина, В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. – СПб., 2001. – С. 66.
9. Российская газета. – 1995. 21 июля. – С. 5.
10. Российская юстиция. – 2003.– №12.– С. 70.
11. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. №2. Ст. 22.
12. Российская газета. -1994. 6 мая. – С. 4.
13. СЗ РФ. 1995. №33. Ст. 3424.
14. Постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г., от 14 января и 19 февраля 2000 г., от 4 марта и 8 декабря 2003 г., от 11 мая и 27 июня 2005 г. // Рос. газета от 28 января 1999 г., 2 и 23 февраля 2000 г., от 18 марта и 23 декабря 2003 г., от 20 мая и 8 июля 2005 г.
15. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 5) и от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 1, 4, 9, 10, 11, 16) // Судебная практика к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2005. – С. 9-11. По этому поводу см. также: ст. 3 Устава Совета Европы от 5 мая 1949 г., ст. 46 Европейской конвенции и документы о вступлении России в Совет Европы // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: Спарк, 1998. – С. 3-11, 23-30, 48.
16. Международные акты. – С. 172-173.
17. Российская юстиция. – 1997. – №9. – С. 3-4.
- 18 Интернет-сайт. http://www.ksrf.ru:8081/session/s_KdKHxNH3/PILOT/main.htm.
19. Рос. газета. 2003. 23 декабря. С. 5.
20. Интернет-сайт. <http://www.1n.mid.ru/ns-rkonfl>.